

ния, которые им не совершались. За них он фактически не получит наказания, а недобросовестные работники, благодаря такой «делке», смогут создать видимость благополучия с раскрытием преступлений.

К сказанному следует добавить, что ст. 314 УПК РФ позволяет в особом порядке рассматривать уголовные дела о преступлениях обвиняемого, за которые наказание не превышает 10 лет лишения свободы. Это положение сложившаяся судебная практика толкует таким образом, что ограничительная санкция (10 лет) касается каждого преступления, а не совокупности преступлений, хотя в норме статьи сказано *о преступлениях*, а не об отдельном преступлении. Позволяет ли данное ограничение рассматривать дела о нескольких преступлениях, санкции за которые в своей совокупности будут значительно выше? Думается, что нет. Если рассматривать норму так, как она сформулирована в ст. 314 УПК РФ (что 10 лет – это максимальная сумма совокупности санкций за несколько преступлений (за которые в общей сложности не может быть

назначено свыше 10 лет лишения свободы)), то все выглядит иначе.

Если суд рассматривает уголовное дело о нескольких преступлениях, совершенных обвиняемым, а в своей совокупности наказание, угрожающее подсудимому, может иметь больший предел, чем 10 лет, суд не вправе рассматривать такое дело в особом порядке судопроизводства. В особом порядке судебного разбирательства можно рассматривать только те дела, где угрожающие санкции за несколько преступлений по максимуму не превышают в совокупности 10 лет лишения свободы. При таком подходе все ставится на свои места и нет лазеек для вменения тех преступлений, которых обвиняемый не совершал. Обвиняемый в этом не будет заинтересован.

Сказанное выше требует, чтобы Верховный Суд РФ сделал по этому поводу необходимые разъяснения, что при особом порядке судебного разбирательства могут рассматриваться дела о преступлениях, за совершение которых *по совокупности* может быть назначено лишение свободы не более десяти лет лишения свободы.

С.А. Елисеев

ОБЩИЕ ЧЕРТЫ ИМУЩЕСТВЕННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В ЦАРСКОЙ РОССИИ

Юридический институт Томского государственного университета

Изучение литературных, документальных источников показывает, что в царской России имущественные преступления издавна составляли значительный пласт совершаемых преступлений.

Об этом говорят как памятники российского уголовного законодательства, предусматривавшие строгое наказание за совершение разного рода преступлений против собственности, так и иные документальные свидетельства. Так, о распространенности в Московском царстве насильственного захвата чужого имущества свидетельствует Губная Белозерская грамота 1539 г., Уставная книга Разбойного приказа [1, с. 47, 110; 2, с. 17–18; 3, с. 435–437]. О повсеместных преступлениях против собственности в XVII–XVIII вв. писали современники [4, с. 10–11; 5, с. 18–19, 6, с. 505–508].

Достаточно высоким удельным весом обладали имущественные преступления в первой половине XIX в. Так, в Российской империи в 1827–1846 гг. по судебным приговорам в Сибирь было сослано 79 846 человек, 60 % из них – имущественных преступников; воры и мошенники составили 4/5; грабители и разбойники – 1/10; «зажигатели» (поджигатели чужого имущества) – 1/25; «святотатцы» (похитители церковного имущества) – 1/33; расстратчики казенного имущества – 1/300. На долю

женщин в общем числе сосланных за имущественные преступления приходилось 13.2 %. Абсолютное большинство женщин (82.8 %) было судимо за воровство и мошенничество [7, с. 20–25]. Заметная часть сосланных имущественных преступников совершила преступления в сравнительно молодом возрасте. Так, среди мужчин, осужденных за разбой и грабеж, почти каждый второй был в возрасте от 21 года до 30 лет (43 %). На возрастную группу в 16–20 лет пришлось 6.8 %; 28.4 % составили лица в возрасте от 31 года до 40 лет; 21.8 % – лица старше 40 лет. У женщин, осужденных за эти преступления, соотношение названных возрастных групп было несколько иным: преступницы в возрасте 16–20 лет составили 5.4 %; преступницы в возрасте от 21 года до 30 лет – 37.5 %; в возрасте 31 год – 40 лет – 39.3 %; на долю женщин старше 40 лет приходилось 17.8 % [8, с. 41].

По наблюдениям Е.Н. Анучина, во всех сословиях, за исключением духовного, воровство было «самой обыкновенной причиной» ссылки. «Между дворянами, купцами, мещанами и государственными крестьянами на эту категорию приходилось, – писал он, – немного более или немного менее 1/2 всего числа ссыльных». Е.Н. Анучин также установил, что «наибольшей пропорцией» среди сослан-

ных за воровство отличались мещане. У мещан, крестьян и лиц, принадлежащим к военному сословию, после воровства, самыми частыми из преступлений были грабежи, у дворян – преступления по службе и грабежи, у купцов – подделка ассигнаций и грабежи. У духовенства главным преступлением было святотатство [там же, с. 86].

О большом удельном весе преступлений против собственности в середине XIX в. свидетельствует уголовная статистика государственных крестьян за десятилетие 1847–1856 гг. (по 44 губерниям Российской империи). Из нее видно, что из общего числа государственных крестьян, обвиненных по уголовной палате и совестному суду, каждый пятый (21.1 %) был осужден за преступления против собственности. Среди осужденных за эти преступления абсолютное большинство составляли осужденные за воровство-кражу (80.2 %). Осужденные за воровство и мошенничество составили 7 %, за грабеж – 4.3 %, за разбой – 0.5 %, за истребление и повреждение чужого имущества – 0.3 %, за зажигательство – 6 %, за насильственное завладение чужим недвижимым имуществом, истребление граничных межей и знаков – 1.9 %.

Среди осужденных за преступления против собственности преобладали мужчины (84.5 %). 79.7 % мужчин совершило кражу, 7.4 % – мошенничество, 5.1 % – зажигательство, 4.6 % – грабеж, 2.3 % – насильственное завладение чужим имуществом, 0.6 % – разбой, 0.3 % – истребление и повреждение чужого имущества взрывом, потоплением или иным образом. 82.8 % женщин было осуждено за кражу, 10.9 % женщин – за зажигательство, 3.8 % – за мошенничество, 2.2 % – за грабеж, 0.17 % – за насильственное завладение чужим имуществом, 0.08 % – за истребление и повреждение чужого имущества, 0.05 % – за разбой [9, с. 31].

Уровень имущественной преступности был высоким в России и в последующие годы. Так, в 1860–1867 гг. доля имущественных преступлений превышала 60 % от числа всех преступлений. 52 % имущественных преступников было осуждено за преступления против частной собственности, 48 % – за преступления против собственности государства. Большую часть преступлений против собственности государства составляла незаконная порубка казенных лесов. Среди преступлений против частной собственности первое место занимала кража – 80 %. Надо отметить, что статистика тех лет зафиксировала интенсивный рост числа имущественных преступлений. Так, в 1863 г. число краж казенного леса возросло на 50 % (по сравнению с 1860 г.), краж частного имущества – почти на 30 % [10, с. 15–18].

Как и в предшествующие годы, среди осужденных за преступления против собственности преобладали представители низших сословий. В част-

ности, в 1863 г. 80 % от осужденных за преступления против собственности составили казенные, удельные и временнообязанные крестьяне, 8.7 % – мещане и цеховые. При этом удельный вес крестьян был большим среди осужденных за преступления против собственности государства (93.9 %); мещан и цеховых – среди осужденных за преступления против частной собственности (12.4 %) [11, с. 19].

Имущественные преступления обладали большим удельным весом и в последней четверти XIX в. По данным Е.Н. Тарновского, в 1874–1894 гг. они составляли примерно 2/3 всех совершенных преступлений. Основную массу имущественных преступлений по-прежнему образовывали кражи. Так, в 1889–1893 гг. больше половины подсудимых в окружных судах (57 %) привлекалось к ответственности по обвинению в краже [12, с. 32–33]. Исследования тех лет отмечали устойчивую тенденцию увеличения удельного веса имущественных преступлений в общеуголовной преступности. По расчетам Е.Н. Тарновского, в 1894 г. в 9 судебных округах было возбуждено уголовных дел о кражах на 13 % больше, чем в 1884 г.; на 10 % возросло число уголовных дел о мошенничестве, присвоении, растрате, подлоге, укрывательстве; на 15 % – о насильственном похищении имущества [13, с. 113–120].

В те годы среди осужденных за имущественные преступления абсолютное большинство по-прежнему составляли мужчины. Например, в 1889–1893 гг. на долю женщин пришлось 8.7 % от числа осужденных за кражу, 8.6 % от числа осужденных за мошенничество, присвоение и подлоги, 3 % от числа осужденных за насильственное похищение имущества, 11.6 % от числа осужденных за истребление имущества [там же, с. 142, 147].

Почти все имущественные преступления совершались лицами в возрасте от 21 года до 50 лет. Преступники в возрасте до 21 года (от 10 лет) составляли 18.8 % среди осужденных за истребление имущества; 16.5 % – среди осужденных за кражу; 16.4 % – среди осужденных за насильственное хищение имущества. Осужденные в возрасте от 21 года до 50 лет составили, соответственно: 67.7 %, 73 %, 79.7 %. На возрастную группу 50 лет и старше приходилось, соответственно: 13.5 %, 10.5 %, 3.9 %. Следует отметить, что в общем числе осужденных доля малолетних и несовершеннолетних (до 21 года) равнялась 12 %; на возрастную группу от 21 года до 50 лет приходилось 73.4 %; на группу в возрасте 50 лет и старше – 14.2 %.

Осужденные за имущественные преступления преобладали среди такой категории осужденных как холостые и девицы (46.3 %). Значительным был удельный вес имущественных преступников и среди осужденных, состоявших в браке (35.7 %), среди вдовых и разведенных – 40.9 %.

Преступления против собственности в конце XIX в. по-прежнему были преступлениями низших сословий. Так, среди мещан, осужденных общими и мировыми судами, 74,1 % было привлечено к ответственности за кражу, мошенничество, присвоение, 3,8 % – за насильственное похищение имущества; среди крестьян – 74,7 % и 4,2 %. Соответственно, среди дворян, лиц духовного звания, почетных граждан на долю осужденных за такие преступления пришлось: 21,3 %, 1 %, 36,9 %, 1,5 %, 41,2 %, 1,3 %.

Среди имущественных преступников был наиболее высоким уровень рецидива. В 1889–1893 гг. рецидивисты составляли 51,6 % от общего числа осужденных за кражу и святотатство, 28,8 % от числа осужденных за насильственное похищение имущества, 14 % от числа осужденных за мошенничество, подлог и присвоение (уместно отметить, что в те годы все преступления против личности, равно как и служебные, религиозные отличались незначительным процентом рецидивистов – от 2 до 5 % от общего числа осужденных за их совершение) [там же, с. 157, 189–190, 207].

В структуре преступности имущественные преступления занимали заметное место и в начале XX в. В частности, в 1908 г. каждое второе следствие, возникшее у судебных следователей по всем судебным округам, было следствием об имущественных преступлениях (истреблении имущества, насильственном похищении имущества, краже, святотатстве, мошенничестве, присвоении и подлоге) [14, с. 66, 72–73].

В 1909–1913 гг. доля таких преступлений по окружным судам, в общем итоге, также составляла, в среднем, больше 50 %. В мировых судах, представлявших статистические сведения по преступным деяниям, каравшимся не ниже тюремного заключения, 8,3 % всех осужденных к такому заключению были осужденными за кражу, покупку краденного и укрывательство похищенного [15, с. 68]. Следует отметить, что в те годы наблюдался значительный рост числа преступлений против собственности. Так, в 1913 г. было возбуждено 167 755 судебных следствий о кражах, 43 323 следствия о насильственном похищении имущества, 4 787 следствий о мошенничестве, 5 917 – о присвоении и растрате чужого имущества (в 1909 г. соответственно 125 201, 41 895, 4 183, 4 789) [16, с. 71].

Рост преступлений против собственности сопровождался изменениями в «демографии» преступности, в частности, увеличением среди имущественных преступников числа женщин. В 1910–1912 гг. доля женщин (по сравнению с предшествующим трехлетием) возросла: среди осужденных за кражи (всех видов) – на 17 %; за мошенничество всех видов – на 48 %; за грабеж без насилия – на

1 %. Особенно интенсивным был рост числа женщин среди осужденных за вооруженную кражу и кражу лошадей – на 58 % и 56 %. В то время отмечался и исключительный рост числа малолетних имущественных преступников (в возрасте 10–16 лет). Наиболее интенсивным он был среди осужденных за кражу лошадей, кражу со взломом и вооруженную кражу – на 260 %, 161 % и 155 % соответственно.

В начале XX в. существенную часть осужденных за имущественные преступления составляли лица, занятые сельскохозяйственным трудом. В 1910–1912 годах они составили 44,7 % от числа осужденных за кражи всех видов, 35,1 % от числа осужденных за мошенничество, 50,7 % от числа осужденных за разбой и грабеж 1-го рода (грабеж с насилием, не опасным для жизни или здоровья), 74,1 % от числа осужденных за поджог. На долю лиц, принадлежавших к «промышленной» группе, приходилось, соответственно: 21,5 %, 17,4 %, 27,2 %, 13,6 % [17, с. 90, 94, 102–103].

В годы первой мировой войны динамика имущественной преступности в Российской империи отличалась своеобразием. Так, число уголовных дел, возбужденных по кражам, совершенных в городах, возросло в 1914 г. (по сравнению с 1911 г.) на 4 %, в 1915 г. – на 11 %, в 1916 г. – на 53 %. Количество уголовных дел по кражам, совершенных в деревнях, в 1914 г. уменьшилось (относительно 1911 г.) на 10 %, в 1915 г. – на 21 %. В 1916 г. оно превысило уровень 1911 г. на 12 %.

Число следствий по делам о разбоях и грабежах, совершенных в городах, составляло в 1916 г. 48 % от уровня 1911 г. (в 1915 г. – 40 %). Количество следствий по этим преступлениям, совершенных в деревнях, составило в 1916 г. 45 % от уровня 1911 г. (в 1915 – 35 %) [18, с. 105, 109]. Заметное снижение по сравнению с 1914 г. числа совершаемых разбоев и грабежей, по всей видимости, было связано с огромным привлечением в армию наиболее трудоспособных мужчин и их заменой в тылу женщинами и подростками [19, с. 78].

Надо отметить, что в 1916 г. резко увеличилась преступность лиц, не достигших 17 лет. В 1916 г. число обвиняемых младше 17 лет возросло, по сравнению с 1911 г., на 95 %; число обвиняемых старше 17 лет уменьшилось на 24 % [20, с. 103]. 90 % несовершеннолетних, привлеченных к уголовной ответственности, было осуждено за похищение имущества. Большая часть несовершеннолетних имущественных преступников происходила из семей рабочих, крестьян, прислуги (почти половина малолетних разбойников и грабителей, более 60 % несовершеннолетних воров) [21, с. 93].

По расчетам С.С. Остроумова, учитывавшего соотношение между темпами снижения преступности

и темпами снижения численности населения, преступность в городах в годы первой мировой войны повысилась и абсолютно, и относительно; относительный рост наиболее серьезных преступлений наблюдался и на селе. «Если бы мы были в состоянии вычислить соответствующие коэффициенты преступности как по итогу, так и по полу, возрасту и отдельным видам преступлений, – писал он, – то этот рост в целом составил бы, вероятно, не менее 25 %» [22, с. 82]. Представляется, что такой же вывод можно сделать и в отношении имущественной преступности, поскольку она занимала в то время видное место в структуре общей преступности.

Необходимо отметить, что на основе приведенных данных трудно сделать всестороннее, исчерпывающее заключение о тенденциях в динамике имущественной преступности в царской России, о специфике ее структурных изменений. В те или иные годы по-разному строился статистический учет преступлений в XIX в., сравнительно частыми и значительными были изменения в уголовном, уголовно-процессуальном законодательстве. Достаточно сложно сопоставлять результаты локаль-

ных исследований с официальной уголовной статистикой. Тем не менее, сказанное позволяет сделать следующие выводы:

1. В царской России имущественные преступления всегда занимали заметное место в структуре преступности. При этом они проявляли тенденцию общего роста (росло как абсолютное число этих преступлений, так и их удельный вес в структуре общей преступности). Увеличение имущественной преступности происходило в основном за счет краж, насильственных грабежей, разбоев;

2. В структуре имущественной преступности доминировали посягательства на собственность, совершенные мужчинами; в начале XX в. стал интенсивно расти удельный вес преступлений против собственности, совершаемых женщинами (как насильственных, так и насильственных); имущественные преступления в своей массе были преступлениями низших, обездоленных слоев общества. В имущественной преступности всегда был относительно высоким уровень преступлений несовершеннолетних. Доля этих преступлений неуклонно возрастала к началу XX в.

Литература

1. Владимирский-Буданов М. Хрестоматия по истории русского права. М., 1901. Вып. 2.
2. Шалфеев Н. Об уставной книге разбойного приказа. СПб., 1868.
3. Сергеевич В. Лекции и исследования по истории русского права. СПб., 1883.
4. Фойницкий И.Я. Мошенничество по русскому праву. СПб., 1871.
5. Белогриц-Котлярковский Л. О воровстве-краже по русскому праву. Историко-догматическое исследование. Вып. 1. Киев. 1880.
6. Беляев И.Д. История русского законодательства. СПб., 1999.
7. Анучин Е.Н. Исследования о проценте сосланных в Сибирь в период 1827–1846 годов. Материалы для уголовной статистики России. СПб., 1873.
8. Анучин Е.Н. Указ. соч.
9. Материалы для статистики России, собираемые по ведомству Министерства Государственных имуществ. СПб., 1871.
10. Остроумов С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1980.
11. Статистический временник Российской империи. СПб., 1866. Ч. 1.
12. Остроумов С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1980.
13. Тарновский Е.Н. Итоги русской уголовной статистики за 20 лет (1874–1894). СПб., 1899.
14. Тарновский Е.Н. Движение преступности в Российской империи // Журнал министерства юстиции. 1909. № 9.
15. Остроумов С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1980.
16. Гернет М.Н. Преступность за границей и в СССР. М., 1931.
17. Мельников А.П. Колебания преступности в текущем столетии // Журнал министерства юстиции. 1917. № 5–6.
18. Тарновский Е.Н. Война и движение преступности в 1911–1916 гг. // Сборник статей по пролетарской революции и праву. 1918. № 1–4.
19. Остроумов С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1980.
20. Гернет М.Н. Преступность за границей и в СССР. М., 1931.
21. Мельников А.П. Колебания преступности в текущем столетии // Журнал министерства юстиции. 1917. № 5–6.
22. Остроумов С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1980.